

Будко А. А. История медицины Санкт-Петербурга XIX – начала XX в. СПб.: Нестор-История, 2010. 400 с.

Санкт-Петербург занимает особое место в российской истории, в том числе в истории медицины. К 300-летию города вышли очерки Т. И. Грековой и Ю. П. Голикова¹, а также книга А. А. Будко и А. В. Шабунина по истории медицины Санкт-Петербурга в XVIII в.² Рецензируемое издание является ее продолжением, что подчеркивается схожим форматом и оформлением: мягкий переплет в коричневой гамме с портретами корифеев (в данном случае это Н. И. Пирогов и С. П. Боткин) в верхней части обложки и видами Петербурга на фоне фрагментов городских планов внизу.

Издание задумано в качестве «обобщающего труда по истории медицины Санкт-Петербурга XIX в.» (с. 11). В работе над книгой принимали участие восемь сотрудников Военно-медицинского музея МО РФ, начальником которого является титульный автор (А. А. Будко). К сожалению, вклад каждого из соавторов этой книги остается читателю неизвестным.

Как отмечается в предисловии, «основываясь на комплексном политическом, социально-экономиче-

ском и культурологическом анализе широкого круга литературных и архивных источников, авторы предприняли первую попытку отобразить становление и развитие медицины Санкт-Петербурга от начала XIX в. до октября 1917 г.» (с. 11). Насколько выполнена поставленная задача?

Диапазон охватываемых тем впечатляет своей широтой: отдельные очерки (а всего их 12) посвящены организации медицинского дела, госпиталям и городским больницам Петербурга, их участию в войнах, Императорской Медико-хирургической (Военно-медицинской) академии, медицинским обществам и периодике, образованию и науке, музеям и коллекциям, благотворительности и милосердию, борьбе с эпидемиями и придворной медицине. При этом акцент делается на историю военной медицины. Оправдывая такой подход, авторы отмечают, что ее достижения «были чрезвычайно важны и распространялись также на другие сферы». В качестве примера приводится спорное утверждение о том, что земская медицина заимствовала принципы войсковой медицины (общедоступность, бесплатность, сочетание лечения и профилактики и т. д.). По словам авторов, «если вся великая русская литература, по выражению Ф. М. Достоевского, вышла из гоголевской “Шинели”, то российская медицина XIX в. в значительной мере

¹ Грекова Т. И., Голиков Ю. П. Медицинский Петербург. Очерки, адресованные врачам и их пациентам. СПб., 2011.

² Будко А. А., Шабунин А. В. История медицины Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 2002.

была связана с Санкт-Петербургом и прежде всего с Медико-хирургической (с 1881 г. – Военно-медицинской) академией» (с. 6–7).

Отметим, что Достоевский говорил не обо всей русской литературе, а о писателях своего круга – ни А. С. Пушкин, ни Л. Н. Толстой из гоголевской «Шинели», как известно, не выходили. Такой же натяжкой выглядит стремление связать всю российскую медицину позапрошлого столетия с Санкт-Петербургом. А как же медицинский факультет Московского университета, где, кстати, учились Пирогов и Боткин? Конечно, Медико-хирургическая академия сыграла значительную роль в развитии российской медицинской науки, что наглядно демонстрирует содержательный очерк в рецензируемой книге. К сожалению, в нем ничего не сказано о борьбе «русской» и «немецкой» партий, определявшей академическую жизнь почти на всем протяжении XIX в.

Книга представляет собой подлинный кладёзь любопытных сведений. Например, о том, что к началу Первой мировой войны в двухмиллионном городе имелось 278 государственных (военных и гражданских) стационаров на 20 тыс. коек (т. е. получается, что в среднем на один стационар приходилось 70 коек), не более 500 мест в частных лечебницах и 2314 врачей (в 1823 г. в двухсоттысячном Санкт-Петербурге был 261 частнопрактикующий врач). Сто лет спустя, в начале XXI в., население города выросло более чем в два раза, число врачей увеличилось на порядок, а вот количество стационаров, наоборот, значительно сократилось. Интересны размеры максимальной оплаты врачебных услуг для малоимущих больных, установленных в

1830-е гг. Петербургской врачебной управой (физикатом): доктор за посещение больного получал 1 руб., лекарь – 50 коп., кровопускание стоило 25 коп., удаление зуба – 50 коп., «припущение пиявиц» – по 20 коп. за каждую. К сожалению, внятного ответа о том, что представлял собой физикат, как строилась его работа, чем отличался доктор от лекаря, кто считался малоимущим читатель книги не получит. Как соотносились приведенные размеры оплаты услуг со средним заработком петербургского ремесленника? Сколько составляли они в пересчете на сегодняшние цены? Наконец, откуда заимствованы эти цифры? Почти нигде авторы книги не утруждают себя ссылками на первоисточники. Как они пишут, материальное положение многих петербургских врачей «было весьма завидным», но никаких примеров этого не приводится. В очерке о лечебных учреждениях говорится, что на питание больных в Мариинской больнице в середине позапрошлого века отпускалось 10 коп. в день, тогда как в остальных больницах города – только 7 коп. Опять-таки современному читателю хотелось бы знать, как можно было питаться на эти деньги. Что стоит за приводимой авторами цифрой 37 тыс. руб., на которую в 1811 г. были приобретены медицинские инструменты для нужд армии и флота (с. 182)? Много это или мало?

Некоторые вскользь упомянутые сведения будоражат читательский интерес. Например, приводится именной указ 1836 г. о причислении Морской Калинковской госпитали ко второму классу (с. 38). А что это значит? Сколько классов госпиталей было в Российской империи, и чем они отличались? В вышеупомянутой Калинковской госпитали, отмечают

авторы, часто проводились клинические испытания различных лекарств и методов лечения. Что это были за лекарства и методы? Заручались ли исследователи согласием испытуемых или же это были эксперименты на людях из разряда тех, о которых с негодованием пишет Вересаев в своих «Записках врача»? В книге указано лишь, что «в 1840–1848 гг. в госпитале испытывалось несколько видов кровоостанавливающих средств», оказавшихся неэффективными. О каких именно средствах идет речь?

Об условиях содержания больных можно судить по Первому военному сухопутному Санкт-Петербургскому госпиталю «на Песках», открытому в 1840 г. Он был рассчитан на 1340 коек и имел 87 палат (с. 41). Путем несложных расчетов оказывается, что в каждой палате находилось не менее 15 больных, которые часто оказывались в роли подопытных кроликов: здесь «проходили проверку различные методы лечения» лейб-медика М. Мандта и тибетского знахаря С. Бадмаева (с. 46). Непонятно, каким образом мог активно участвовать в 1894 г. в открытии психиатрического отделения в этом госпитале И. М. Балинский, вышедший в отставку 10 годами ранее (с. 48).

Ряд сведений представляет несомненный интерес для историка хирургии. Например, в 1844 г. в Семёновском госпитале, здание которого ныне занимает Военно-медицинский музей, хирургом Карачаровым была проведена одна из первых в России перевязок общей сонной артерии. По поводу какого заболевания проводилась данная операция? С каким результатом? Ссылка на первоисточник, увы, опять отсутствует.

Не остались без внимания авторов детские больницы. Первой в 1834 г.

была открыта Санкт-Петербургская (с 1858 г. – Николаевская) больница для детей на 50 коек, однако через год число коек было удвоено. Как пишут авторы, «за четыре года в больнице лечилось более 100 тыс. больных детей» (с. 66). Каков же был в таком случае койко-день и каких цифр достигала внутрибольничная смертность? В другом месте можно прочесть голословное утверждение о том, что «процент выздоравливающих после брюшного тифа в Александровской городской барачной больнице стал самым высоким в Европе» (с. 74). Никаких цифр, к сожалению, не приводится. Зато приведены красноречивые цифры потерь от инфекционных заболеваний во время Русско-турецкой войны 1877 г.: «Как свидетельствуют медицинские отчеты, из общего числа войск, определяемых в 933 726 человек, от различного рода болезней, частью инфекционных, в лечебных учреждений умерло 81 166 человек, в то время как от ран и различных повреждений – 36 455 человек, т. е. в два с лишним раза меньше» (с. 202). Отсюда можно сделать вывод о неблагоприятной санитарно-эпидемической обстановке в русской армии в данный период.

Несомненный интерес представляет раздел, посвященный развертыванию лазаретов в Петрограде во время Первой мировой войны. Остается лишь пожалеть, что об их деятельности говорится крайне скупо. Например, Петроградский местный военный лазарет им. Н. И. Пирогова для раненых в голову, возглавляемый Л. М. Пуссепом, в тексте даже не упомянут. А ведь этот лазарет, переименованный в 1918 г. в Нейрохирургический институт, был одним из первых в мире специализированных нейротравматологических учрежде-

ний. Непонятно на каком основании в конце книги делается далеко идущий вывод о том, что война с Японией и Первая мировая война «разрушили многие достижения медицинской науки и практики». Наоборот, войны являются мощным толчком для развития медицины, особенно хирургии. Например, Первая мировая война, приведшая к большому числу ранений нервной системы, способствовала становлению нейрохирургии как клинической дисциплины³.

Очерк о придворной медицине представляет собой в основном набор кратких биографий лейб-медиков от И. С. Роджерсона до Е. С. Боткина, расстрелянного вместе с императорской семьей. Гораздо информативнее следующие за ним очерки о медицинских обществах и медицинской периодике. Вопреки устоявшейся в историко-медицинской литературе точке зрения, согласно которой первым медицинским обществом было «Общество соревнования врачебных и физических наук», основанное в Москве в 1804 г., авторы обнаружили в фондах Российской национальной библиотеки рукопись петербургского штаб-хирурга Иоганна-Августа-Фридриха Цирхольца, датированную 1818 г., согласно которой с 1762 по 1766 гг. в Петербурге существовало хирургическое общество, объединявшее немецких врачей. Созданное в 1819 г. «Немецкое врачебное общество в Санкт-Петербурге» на протяжении нескольких десятилетий успешно конкурировало с возникшим 14 лет спустя «Обществом русских врачей в Санкт-Петербурге». Интересно, что Пирогов предпочел

вступить в немецкое, а не русское общество и 74 раза представлял доклады и сообщения на его заседаниях. Жаль, что авторы очерка не упомянули Санкт-Петербургское врачебное общество взаимной помощи, созданное в 1890 г. по инициативе А. Л. Эбермана, основной целью которого было достижение «нравственной взаимной поддержки и более тесного сплочения врачей». Несмотря на название, данное общество являлось по существу всероссийским. К концу первого трехлетия своего существования оно насчитывало 13 отделений (Астраханское, Вятское, Екатерининское, Курское, Нижегородское, Одесское, Саратовское, Харьковское и т. д.) и издавало журнал («Вестник С.-Петербургского врачебного общества взаимной помощи»), в котором обсуждались вопросы врачебной этики⁴.

Один из лучших очерков книги посвящен медицинским музеям и коллекциям Петербурга. Среди них особое место занимает Музей Пирогова, открытый в 1897 г. К сожалению, здание музея было снесено в 1960-е гг. в связи со строительством гостиницы «Ленинград» (ныне «Санкт-Петербург»), а коллекции этого и ряда других петербургских музеев находятся в Военно-медицинском музее МО РФ.

Несомненным достоинством рецензируемого издания являются многочисленные иллюстрации из фондов Военно-медицинского музея – гравюры и фотографии известных деятелей медицины, снимки экстерьеров и интерьеров петербургских больниц,

³ См.: Лихтерман Б. Л. Нейрохирургия: становление клинической дисциплины. М., 2007.

⁴ Подробнее см.: Лихтерман Б. Л., Яровинский М. Я. История медицинской этики в России. Часть 1. Дореволюционный период // Медицинское право и этика. 2002. № 2. С. 67–81.

образцы госпитальной одежды, обуви и т. д. Жаль только, что нигде не приводятся ссылки на номер фонда.

К сожалению, приходится отметить небрежность составителей данного издания. Зачастую нумерация ссылок в тексте не соответствует их нумерации в примечаниях, зато там зачем-то приводятся работы М. Б. Мирского, которые в книге вообще не упомянуты. Как уже отмечалось, многие сведения даны без указания на первоисточник. На каком основании А. Я. Крассовский назван «основоположником акушерства и гинекологии в России» (с. 256), а С. П. Федоров – «основателем нейрохирургии» (с. 143)? Ведь сами авторы приводят официальные данные 1823 г. (когда Крассовский был в двухлетнем возрасте), согласно которым в Санкт-Петербурге насчитывалось шесть частнопрактикующих акушеров (с. 28), а «одним из основоположников отечественной нейрохирургии» заслуженно назван А. С. Таубер (с. 158).

Названия некоторых лечебных учреждений неправильны. Например, «Институт гематологии и трансфузиологии крови» (с. 69) на самом деле называется «Российский НИИ гематологии и трансфузиологии». Окорявом, канцелярском стиле, который встречается на страницах книги, наглядное представление дают следующие цитаты: «В наши дни Покровская больница – крупнейший кардиологический стационар города в области кардиологии» (с. 70), «в столицу был привлечен потенциал современной на тот момент медицинской науки и практики» (с. 240).

Если следовать логике, то следующий том должен быть посвящен истории медицины Петрограда – Ленинграда – Санкт-Петербурга XX века. Будем надеяться, что авторы, редакторы и рецензенты будущего издания сумеют избежать повторения своих ошибок.

Б. Л. Лихтерман

Reich, K., Roussanova, E. Carl Friedrich Gauß und Russland. Sein Briefwechsel mit in Russland wirkenden Wissenschaftlern. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2012. 905 S.

Издание книги «Карл Фридрих Гаусс и Россия. Его переписка с учеными, работавшими в России», принадлежащей перу известных исследователей в области истории науки несомненно является выдающимся событием в современной научной историографии. Ее информативная точность и полнота весьма возросли благодаря сотрудничеству авторов со знаменитым германским славистом, вице-президентом Геттингенской академии наук Вернером Лефельдтом, который внес существенный вклад, написав пятую главу

рецензируемой книги, посвященную изучению К. Ф. Гауссом русского языка.

Книга, опубликованная издательством «Вальтер де Груйтер» как XVI том в Новой серии «Трудов Геттингенской академии наук», во всех смыслах представляет собой вершину книгопечатного искусства. Ей предпослан эпиграф – выдержка из письма Гаусса знаменитому пулковскому астроному В. Я. Струве: «...с тех пор как я начал заниматься русским языком, все, что касается России, приобрело для меня повы-